

КОПЬЁВСКАЯ СЕЛЬСКАЯ СРЕДНЯЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА
«Переселение с Украины в Сибирь»

АВТОР:

Толстихин Сергей Николаевич
МБОУ «Копьёвская сельская средняя
общеобразовательная школа», 11 класс

РУКОВОДИТЕЛЬ:

Андрианова Лидия Васильевна –
учитель истории высшей категории
МБОУ «Копьёвская сельская
средняя
общеобразовательная школа»,
директор МБУК «Музей
Орджоникидзевского района»

С. Копьёво, 2014 г.

Моих прабабушки и прадедушки уже очень давно нет в живых, но до сих пор жива сестра моего прадеда, проживающая в селе Новомарьясово, где живут её дети со своими семьями. Чтобы рассказать о своей родословной, мне понадобились сведения, которые собрала её дочь Нина Роговцева. Что-то узнал из Книги Памяти Республики Хакасия, что-то нашёл в музейном архиве. Конечно, ещё предстоит многое сделать для более полного описания своего рода, но начало уже будет положено этой работой.

Матрёна Игнатьевна Ткаченко – мать моего прадедушки по маме Степана Григорьевича Ткаченко – родилась в с. Орликовка Черниговской области в многодетной семье: её братья – Егор, Арсентий, Георгий, Григорий, Николай; сёстры – Софья, Ксения, Ефросинья. Два брата были военными. Матрёна Игнатьевна вспоминала, как один из них в голодное время привозил из Петербурга на Родину свою жену, и Матрёна учила её прясть и вязать. Все сгнули в то лихолетье 20-х годов прошлого века: двоих братьев убили, сейчас трудно сказать, то ли белые, то ли красные, тогда говорили – банда; одного убили на вокзале; кто-то умер от тифа, кто-то от голода. Матрёна Игнатьевна вышла замуж за Григория Васильевича, родила троих детей: в 1914 г. Степана, в 1919 г. Василия, в 1924 г. Валентину. В 1933 году умирает муж, но не от болезни, а от страшного голода. Умерших было много. По улицам Орликовки, медленно передвигаясь, бродили, словно тени, голодные люди с распухшими ногами. Семья, как могла, оберегала свою корову-кормилицу, чтобы чужие люди не украли её или не выдоили б молоко. На ночь заводили в дом.

А из Сибири шли письма от племянников Александра и Сергея, которые туда выехали в 1928 г., как плановые переселенцы. Они звали их к себе. Тяжело было решиться на переезд. Но чтобы спасти детей от голодной смерти, Матрёна, не найдя покупателей, бросила дом, продала кормилицу-коровушку, т.к. нужны были деньги на билет, и поехала в далёкую Сибирь. На станции Ужур, куда привела их нелёгкая судьбина, наняли подводу, добрались до д. Черемшанка и стали жить. Красивые там были места. Но все очень тосковали по Украине, особенно сильно – старший сын Василий: залезет на крышу избы, и

часами смотрит в ту сторону, где, казалось ему, была его Родина. Позже он признавался: будь железная дорога ближе, он бы сбежал назад. Слезами от этого обливалось материнское сердце, горящее тоже по родной сторонке.

Но надо было жить. Матрёна Игнатъевна и её сыновья пошли работать в колхоз. Василий работал трактористом, Степан конюхом. Стали постепенно привыкать. Одно плохо, воду брали из небольшого ручья, который летом пересыхал, а зимой перемерзал. Зимой топили снег, летом воду привозили в бочках за несколько километров. Жители из деревни стали выезжать. Племянники Александр и Сергей уехали в д. Горюново Саралинского района, а Мария Игнатъевна с детьми – в д. Копьёво, где и стали работать в колхозе «Новый путь». Младшая Валентина сначала училась в деревенской начальной школе, а потом пешком в любую погоду ходила в старшие классы на ст. Копьёво.

22 июня 1940 года, ровно за год до начала Великой Отечественной войны, призвали на службу **Степана**, моего прадедушку, к этому времени уже женатого на Евдокии Николаевне Сороквашиной, и имевшего двоих сынов – Гришу и Васю. Служил в Карелии, где в первые же месяцы войны, тяжело раненный, попал в плен и находился на территории Финляндии. А Матрена Игнатъевна получила на него извещение: пропал без вести. До сих пор в Книге памяти Республики Хакасия он значится таковым. А он, пройдя через ад плена, трибунала на Родине, принудительных работ на угольных шахтах Осинников Кемеровской области, остался жив. Только через 8 лет он в 1948 г., наконец, оказался дома.

Призванный на действительную службу в 1940 году, прадедушка встретил начало войны в Выборге. Сразу оказался на фронте. Рядовой-пулемётчик 123 дивизии, которая отступала с боями. В августе 1941 года дивизия попала в окружение, пробивались из окружения с большими потерями. Степан Григорьевич был сильно контужен. Когда очнулся. Первое, что услышал – незнакомая речь. Сразу не понял, где он. Оказалось, что он уже находился на территории Финляндии, попав в плен. Сначала его подлечили в санчасти, а затем отправили в концлагерь, расположенный среди лесов и болот. Название в памяти его дочери, а моей бабушки Нины Степановны Толстихиной, сообщившей сведения об отце, не сохранилось.

Домой пришла бумага, что он пропал без вести. Дома его ждала мать, жена Евдокия Николаевна и двое детей. Почти 4 года его старший сын Григорий ежедневно бегал к почтальону и спрашивал: «Нам есть весть от отца?» Вернувшись, сокрушённо говорил: «Нам ничего нет».

В концлагере жизнь была не сладкой: голодом приходилось валить лес – работа не из лёгких, изматывала до бессилия. Но особенно натерпелись от своих же, тех кто предался, они назначались старшими и отыгрывались на военнопленных за свою слабость, не давали есть, издевались, чувствовали, что их ждёт, убирали свидетелей.

У Степана Григорьевича была большая тяга к жизни. Не раз слышали родные это из его уст. Жить и выжить хотелось всем. И когда в лагере объявился фермер, набиравший дармовую рабочую силу, и через переводчика обратился к пленным, кто умеет работать в поле, Степан Григорьевич и ещё один человек вызвались поработать. Работать в поле его учить не надо, он человек деревенский, умел обращаться с конём и плугом. Хозяин заметил его старание, стал по-доброму к нему относиться, пленных не обижал, хорошо кормил. По окончании полевого сезона, осенью, их перевели в лагерь, где они опять валили лес.

И так до освобождения их союзниками. Те предлагали остаться на Западе, пугали наших бойцов тюрьмами, лагерями. Но остались единицы. Остальные рвались домой, к семьям. В 1944 году узников лагеря по договору передали нашему командованию. Затем была госпроверка, чудом удалось Степану Григорьевичу передать домой весточку о себе, что он живой. А потом домой пришло письмо с Кемеровской области, с г. Осинники, где он сообщил, что госпроверку прошёл, признан невиновным, но определён на работы в шахту.

Работая на шахте, попал под обвал, и опять повезло – чудом остался жив. Потом предлагали перевезти туда семью, остаться работать на шахте, но он был глубоко сельским человеком, душа его прикипела к д. Копьёво.

Работал конюхом, чабил, косил и заготавливал сено, был каждое лето бригадиром одного из звеньев по заготовке сена. Работала у него в звене в основном зелёная молодёжь. Старались любой ценой попасть в звено Степана Григорьевича, так как он умел уважительно относиться ко всем, а уж в знаниях сенокосного дела ему в деревне равных не было. Если смётан зарод звеном Ткаченко, не протечёт, не сгниёт, будет зелёным, пахнущим разнотравьем, высококалорийным. Многие годы именно он в хозяйстве руководил заготовкой сена. Зароды сена, поставленные его звеном, всегда были отменными. Как крестьянин, он знал толк в этой работе, и знал, насколько она важна для содержания и кормления животных, поддержания высоких удоёв. И сейчас вспоминают об этом те, кто у него работал. Трудяга – говорили о нём те, кто его знал. Не эта ли людская память – мечта каждого, живущего на земле человека?!

Несмотря на невзгоды своим трудом и человеческими качествами он завоевал уважение в обществе. В дальнейшем государство отметило людей, побывавших в плену, но не запятнанных никакими связями с врагом. Они были признаны участниками войны, имели право на получение наград и льгот. Степан Григорьевич был награждён Орденом Отечественной войны II степени. Имел также медаль «За поднятие целинных и залежных земель», полученную ранее.

Оба брата, и Степан, и Василий, отличались спокойным нравом, умением ладить с людьми, с любовью и лаской относились к детям. А у Степана Григорьевича – моего прадедушки их было пятеро.

Василия забрали на действительную в 1939 году. Сестра Валентина, писала ему письма на станции Хатабулак и Дивизионную. Войну он вспоминал, как тяжёлую работу, где от первого до последнего её дня, как и в колхозе, на тракторе-тягаче возил пушку в тяжёлой артиллерии. Потом дослуживал в Литве, Латвии, Пруссии. Имел боевые награды. Такие сведения дала его сестра Валентина.

Я хочу добавить эти данные и более подробно рассказать о годах брата моего прадедушки **Василия Григорьевича Ткаченко** воспользовавшись сведениями музейного архива.

С первых дней Великой Отечественной Войны он был на фронте. Служил в артиллерийских войсках. Подвозил на передовую артиллерийские снаряды и боевую технику. Прошёл с боями Смоленскую область, Белоруссию, Латвию, Литву. Воевал под Смоленском, Ригой, Каунасом. Закончил войну в Кёнигсберге. Затем часть была переброшена на Восток. Василий Григорьевич – участник войны с Японией. И только в 1946 году был демобилизован. Много повидал он за годы войны. Но скуп был фронтовик на воспоминания, стараясь рассказывать всё больше о других, убеждая своих детей, что им того, что было на войне, знать не надо. Лишь изредка, собравшись с ветеранами войны, они начинали вспоминать былое. Вот то, что запомнилось его детям.

Проезжая по родной Черниговщине, он с трудом сдерживал слёзы: красивейшие некогда места, покрытые цветущими садами, были сожжены. Трудно было сдержаться от слёз, видя, как начинали пробиваться снизу отростки обгорелых и искорёженным взрывами яблонь, груш, черешен, вишен. И такая тоска брала и злоба на врага за поруганную им Родина! Но видя, как пробиваются к новой жизни ростки деревьев, верилось в то, что возродится жизнь.

А сколько солдат полегло за освобождение Прибалтики! Вспоминал случай уже после окончания войны, случившийся в Пруссии. Все уже мысленно готовились домой. Как вдруг с растущего рядом дерева, повреждённого при бомбёжке, упал вниз сук. Стоящий под деревом солдат погиб. Это было нелепо и чудовищно несправедливо! Вспоминалась выжженная врагом Белоруссия.

Всегда гордился тем, что он коммунист военной поры. Уже в мирное время как-то зарвавшийся инженер совхоза «Орджоникидзевский» Коновалов закричал на него по работе: «Не сделаете трактора в срок, выложишь партийный билет!» На что Василий Григорьевич с достоинством ответил: «Ты мне его, сопляк, не давал, не тебе его и забирать». Он получил партийный билет прямо на фронте между боями.

Но самые радостные воспоминания остались у Василия Григорьевича от редких и коротких встреч со своими земляками. Однажды в период нашего наступления на запад, он стоял около ствола пушки, а мимо вперёд продвигались наши танки. И вдруг из остановившегося танка вылезает Кириллов Владимир Иванович, земляк из деревни Копьёво. То-то радости было: обнялись, растроганные оба. Короткая встреча, короткий разговор: «Дойдём до логова врага?» И оба уверенно подтвердили: «Дойдём!»

Встретились на фронтовых дорогах они и с Трясиным Георгием из посёлка Копьёво, воевали рядом. Не зря говорят, что фронтовая дружба – самая верная. На всю жизнь они остались друзьями, всегда встречались. Василию Григорьевичу довелось принять участие в похоронах своего друга уже в мирное время.

Очень высоко умел ценить Василий Григорьевич человека за его заслуги – редкое качество. Всегда в разговорах о войне он восхищался другим своим земляком из Новомарьясово – разведчиком Сукиным (к сожалению, родные не помнят его имя-отчество). Сколько раз разведчику приходилось, рискуя жизнью, выполнять боевое задание! Было немало разных необычных ситуаций. Однажды разведчики, в том числе, и Сукин, во время выполнения боевого задания столкнулись с группой вражеской разведки. Носом к носу. Но и те, и другие сделали вид, что не заметили друг друга. Задание было выполнено. А ещё восхищали Василия Григорьевича в его земляке Сукине выдержка и хладнокровие, которые и необходимы настоящему разведчику. Однажды они пробрались к вражескому блиндажу, чтобы взять «языка». В неподходящий момент из блиндажа вышел немец справить малую нужду, и прямо на притаившегося разведчика. И тот даже пальцем не пошевелил, и звука не подал. Блиндаж был тут же взят. Вернулись вместе с «языками».

7 лет не был солдат дома. Какая радость была, когда узнал, что его брат Степан жив. Как раз перед демобилизацией он получил письмо из дома о том, что Степан был в плену, что находится в Кемеровской области, на шахтах.

По дороге домой заехал повидать брата и встретился там с матерью и невесткой, тоже приехавших повидать Степана. Для родных его возвращение после семи лет разлуки стало огромной радостью.

Его главная боевая награда – медаль «За отвагу». На сайте Минобороны выставлены наградные документы, где сообщается, что место его призыва – Саралищенский район (и как только ни напишут название района – правильно – Саралинский). Член ВЛКСМ. Сержант Ткаченко В.Г. награждался за то, что он в ночь с 30.12.1943 на 31.12.1943 года в момент переправы через реку у д. Быки, у орудия, которое вёз на своём тракторе тов. Ткаченко, с крюка соскочила стрела. Тов. Ткаченко несмотря на сильный мороз полез в воду на глубину 1 метр, зацепил стрелу и вывез орудие из реки. На основании приказа № 06/н я также узнал, в каких войсках он воевал: 1308 Артиллерийский полк 21 Духовшинской Артиллерийской дивизии (Действующей армии). Награждён он был по представлению командования дивизии Президиумом Верховного Совета СССР от 14.01.1944 г.

Домой вернулся в 1946 году. Позже, работая бригадиром тракторного отряда в колхозе «Новый путь», он был награждён орденом Ленина и медалью «За поднятие целинных и залежных земель». Много лет Василий Григорьевич работал в совхозах Устино-Копьёвском и Орджоникидзевском. Работал всё также бригадиром тракторного отряда, механиком. С этой работы и на пенсию вышел. Технику знал, понимал её железную душу и любил свою профессию. Его отличало ещё умение работать с людьми, вовремя их поддержать, дать совет. Женившись на молоденькой девушке Александре Петровне Кочнёвой, он проявил самые лучшие качества семьянина. Отношения его в семье

с женой и тремя дочерьми (Лидией, Галиной, Антониной) были самыми благожелательными, ровными, он никогда не повысил на них голос, не поднял ни на кого руку. О таком браке, о таком отце, о таких человеческих отношениях можно только мечтать. После его смерти семья потеряла любимого человека и друга. Родные свято хранят память о нём. Односельчане вспоминают его с огромным уважением.

В то тяжёлое время женщины, проводившие близких на войну, верили в приметы, гадания, сны. Хотелось верить в хорошее, когда уже мало оставалось надежды на то, что близкий тебе человек жив. Часто Матрене Игнатъевне снился один и тот же сон: идут-бредут к порогу её дома два голубя. Они так устали, что нет у них сил лететь. Но они упорно идут

домой. И ей подсказывало её материнское сердце – живы её сынки. И отмолила она их у Бога, и дождалась, как в песне говорится: «Оба сына воротились в село».

А на плечи Матрены Игнатъевны в годы войны легла забота о внучатах Васе и Грише – детях Степана. Невестка Евдокия и дочь Валентина работали то в поле, то на лесозаготовках. Домой приезжали только в бане помыться. А ей приходилось и за внуками присматривать, и необходимый минимум трудодней вырабатывать. Наученная голодом на Украине, она берегла каждую крошку хлеба. Через их деревню проходили беженцы и эвакуированные, выменивающие что-либо ценное на продукты, но Матрёна Игнатъевна ничего не меняла.

Валентина стала работать, когда война подобрала мужиков, нужны были рабочие руки. Рослая, крепкая, она первое время работала на покосе или в поле. Зимой 1941 года – на лесозаготовках на Юзике. В 1942 г. пошла на курсы трактористок и проработала на тракторе до 1946 г. После уборочной страды трактора своим ходом гнали в ремонтные мастерские в д. Ораки, там и жили. Потом мастерские перевели в Шира. Так и ездили за каждой запчастью за 70 км.

В 1941 году был хороший урожай хлеба. Валентина работала на колёснике СТЗ, «на шпорах». Единственный гусеничный трактор «Натик» забрали для фронта. Так вот на этом колёснике она и пахала, и сеяла, и комбайн таскала. Косили хлеба больше на лошадях. Один человек сидел на косилке. Когда на площадке накапливалось жнивье на сноп, он скидывал его колосьями в одну сторону. Шедшие следом женщины вязали снопы и ставили их в суслоны по 10 штук. Потом суслоны свозили и скирдовали колосками вовнутрь. Молотили всю зиму на гумне, куда трактором привозили молотилку. Обслуживали молотилку 18 человек. Подвезённые снопы двое подавали, двое развязывали и кидали в молотилку, другие же отгребали солому, отвозили подальше, скирдовали, засыпали зерно в мешки, потом его свозили и ссыпали в большую кучу, которую закидывали соломой. А молотилку перевозили дальше. Зерно из куч никто не воровал. Тогда в 1941 году хлеба ещё много давали на трудодень. Жили в вагончике, который тоже кочевал с поля на поле. Все были настроены на помощь фронту, всё для победы. Дисциплина была жёсткая. Во всех неурядицах, поломках виделась диверсия, вредительство. Одну молоденькую трактористку за то, что на тракторе подшипники расплавились, посадили в тюрьму, так она и сгинула без вести. Фросю Мозго и Стюру Решенко за невыход на работу посадили. Состав трактористов был в основном женский: кроме Фроси, Стюры и самой Валентины Ткаченко, работали Морозова Ольга (она ещё и комбайнёром была), Петухова Дуся, Котельникова Зина (в замужестве – Копьёва), Любителева Маруся, Борисова Маруся, Михно Мария (трактористка с большим стажем). Котельников был помощником бригадира.

До войны в колхозе было много лошадей. Кобылиц в работу не брали, они с жеребятами паслись круглый год. Но на войну брали всех: кобылиц на мясо, жеребцов в артиллерию или в кавалерию. Нельзя без слёз слушать одну жизненную историю. Конюх Поросёнов написал домой с фронта в письме, что встретил на войне своего коня. Обнимал его, целовал и плакал, и ему показалось, что конь его тоже узнал.

В 1946 году Валентина вышла замуж за Стельмашенко Ивана Парфёновича, 1911 года рождения. Он был родом из Белоруссии. Родители его Парфён Степанович и

Акулина Васильевна с детьми Иваном, Анной, Марией, Ниной, Полиной в 1928 году приехали из Витебской области в д. Черемшанка. Старший сын Николай остался на Родине, там и погиб в Великую Отечественную. Ивану пришлось в 1939-40 гг. повоевать и на Финской, и на Халхин-голе, только пришёл домой – и опять война. Призвали 23 июня 1941 года. В г. Ачинске сформировали Сибирскую дивизию под командованием Лебедянского, которого Иван Парфёнович знал ещё по Халхин-голу. Начал службу в 91 стрелковой дивизии, 177 строительном батальоне.

В Белоруссии, на своей Родине, под Оршей попал в окружение, затем был плен. В лагере для военнопленных условия были очень тяжёлые, в день умирало от голода и болезней по несколько человек. Иван с группой товарищей, пока совсем не ослабли, решили бежать. Территория бывшей школы, где размещался лагерь, была окружена тремя рядами колючей проволоки, по углам стояли вышки с часовыми. Для того, чтобы разрезать проволоку, Иван сделал примитивные ножницы из уголков кровати, скрепив их болтами и наточив о камень.

Ночь для побега выбрали тёмную, ненастную. Стоял ноябрь, но снега не было. Трое товарищей подползли к проволоке и начали её резать, выбирая моменты, когда часовой топал ногами, чтобы согреться. Наконец они оказались на воле. Шли лесом, иногда заходя в деревни, где местные жители их кормили и переправили к партизанам, а те – через линию фронта к своим. Иван Парфёнович прошёл специальную проверку и служил до 1946 года. День Победы встретил в столице Венгрии Будапеште. Демобилизовался в 1946 году.

Хлебнул Иван войны полной мерой. Трижды стоял в расстрельном ряду. Первый раз на Финской, когда замерзающих солдатиков по глубокому снегу гнали на взятие высоты под пулемёты, и вся рота залегла, не поднялась на бой, тогда расстреляли каждого 10-го. Второй раз, когда немцы ходили перед строем и кричали: «Юде? Комиссар?», а он был чернявый и горбоносый, пришлось доказывать, что не еврей. И после плена тоже надо было доказать, что попал в плен не по доброй воле, что сумел сбежать, вспомнить все даты тех событий и фамилии тех, кто мог бы всю эту информацию подтвердить.

День Победы. Его конечно, ждали, вспоминала Валентина Григорьевна. В тот день пахали на полях за Чулымом. Услышали непрерывные гудки со ст. Копьёво. Бросили трактора и побежали в деревню. Состоялся митинг, собрали столы, пили и пели, но больше плакали.

Женился Иван в том же 1946 году в 35 лет. Они с Валентиной прекрасно дополняли друг друга, были завидной парой. Жить начали молодые на курорте оз. Учум, где тогда располагался военный госпиталь для эвакуированных из Челябинска. Иван работал кузнецом, а Валентина прачкой. Получали они на талоны по 1 кг хлеба в день и в месяц по 0,5 кг сахара и по 1 кг крупы. Этого было мало без какого-либо «довеска» на двоих, таких здоровых людей, как они. Валентина собирала в поле колоски. Иван выполнял в кузнице заказы частников за продукты: своими руками искусно изготавливал алюминиевые чашки, ложки, кастрюли, бидоны, вёдра. В 1947 году посадили огород. Землю копали лопатой. Наконец-то такая огромная радость – отменили талоны, людям не верилось, что можно было купить и наестся досыта хлеба.

В начале 50-х годов переехали в Новомарьясово, где шло освоение целинных земель. Трудно представить себе, но на месте центральной усадьбы было чистое поло. Была одна деревня Бухашкино, как её тогда называли. Потом построили кузницу, мастерские, контору и первые пять финских домиков, в одном из которых и поселилась семья Стельмашенко с 2 детьми и бабушкой. В этом же доме, но в другой комнате жила ещё одна семья с детьми. Да ещё зимой квартировали копьёвские механизаторы, в том числе и брат Василий, ремонтирующие свою технику теперь в новомарьясовских мастерских, они спали на полу. Здесь же в комнате было место и для кур, и для поросёнка. Валентина Григорьевна в русской печи стряпала на всю артель хлеб через день, когда была их очередь.

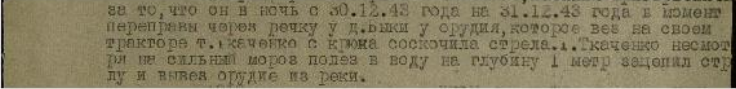
Распахивали целину, сеяли хлеб, разводили овец, коров, свиней, строили дома, мастерские, магазины. Валентина Григорьевна работала на маслозаводе, где вручную

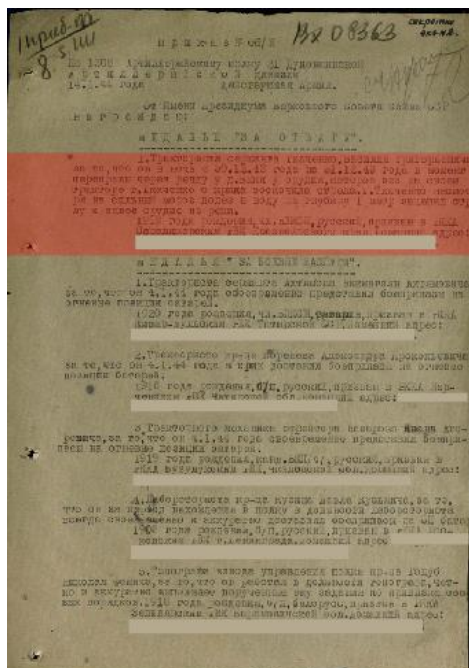
сбивали масло, делали сыр, созревший в сыроподвале, готовую продукцию отправляли в г. Абакан. Потом она перешла работать в райпо, откуда и на пенсию вышла.

Иван Парфёнович работал кузнецом. За честный, добросовестный труд награждён тремя медалями ВДНХ, в 1955 г. был послан на сельскохозяйственную выставку в Москву. Фронтовых наград не было, были только юбилейные. Умер в 1993 году.

А Валентина Григорьевна живёт на радость детям и внукам. Внуков у неё шестеро и 13 правнуков. Она является тем гвоздём, которые крепит всю её семью. В свои 90 лет она сохранила прекрасную память и светлый ум. Много и увлечённо читает книги, разные по тематике, жанру и объёму. Говорит, что, может быть, именно это помогает ей быть в форме. Она и сейчас не может сидеть без дела: прядёт, вяжет рукавицы и носки, делает кое-что по дому. Словом, сохраняет деловую активность. С грустью наблюдает она за тем, как постепенно приходит в упадок то, что строили на её глазах, что поднимали они когда-то собственными руками. Возродится ли вновь село, где доживает она свой славный век, где живут родные ей люди?

Ну а я должен продолжить свою родословную, такую богатую и наполненную интересными событиями и близкими родными сердцу людьми.

	Ткаченко Василий Григорьевич год рождения ____1919 сержант место призыва: Саралищенский РВК, Красноярский край, Саралищенский р-н	
Медаль «За отвагу»	Архивные реквизиты номер записи в базе данных: 21143377	

Карточка награжденного к 40-летию Победы

Ткаченко Степан Григорьевич

Орден Отечественной войны II степени

год рождения ____ 1914

место рождения: Украинская ССР, Черниговская обл.,
Семеновский р-н, д. Орликовка

№ наградного документа: 86

дата наградного документа: 06.04.1985

номер записи в базе данных: 1520951374

Ткаченко (Стельмашенко) В. Г.

Стельмашенко И. П.

Ткаченко С.Г.

боевой

***Ткаченко В.Г.-стоит, сидит Кириллов
Алексей Иванович - житель д .Копьёво,***

товарищ по оружию все годы войны